

ОСТРОВ НАЗИНСКИЙ

Мой старый друг, Андрей Карагодин, тихо угасал у себя дома. Его «доедал» рак легких. Он знал, что до «финиша» подать рукой, относился к этому спокойно, философски, и только жену временами просил не говорить на эту тему. В одно из моих посещений он достал из-под подушки тетрадь, протрянул ее мне и сказал: «Возьми, пожалуйста, дарю тебе. Почитай. Подумай: может, теперь как раз время погустеть этого «голубя» в свет, на волю. Двадцать пять лет пролежал он под подушкой. Просиделся на волю, да не мог я вьезшегося в душу страха перебороть. А теперь мне бояться нечего. Все равно через неделю-другую концы отдам. Написал я все это после того, как прочитал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Все читали и ахали: «Ах, какой кошмар!». А я подумал: «Разве ж то кошмар? То детский лепет. Не выдал ваш Солженицын настоящего кошмара...»

Разозлился и написал. Перед смертью кланусь тебе, что я ничего не выдумал. Все это я либо своими глазами видел, либо своими ушами слышал, не от «одной бабы», а из первоисточника. Может, чего-то только не знал, что-то забыл, потому что было это очень давно, в 1933 году. А, может, в 1932. Не вспомню точно. Но ведь это дела не меняет».

После некоторой литературной обработки рукописи друга предлагаю читателям.

1. В самом северном районе Томской области, в райцентре Александрово, в 1931 году была создана «Александрово-Ваховская Участковая комедатур». Штаб ее был невелик, человек сорок вместе с бухгалтерией. Задача комедатуры — опекать сосланных сюда на вечное поселение раскулаченных во время коллективизации, так называемых «спецпереселенцев», а короче — «спецов». Чтобы они не разбегались, чтобы помочь им прижиться навечно в этом непривычном суровом крае.

Будучи высланы со всеми семьями, «спецы» и не пытались бежать. Они дружно, умело и быстро строили себе села в отведенных местах, осваивали новые виды хозяйствования и больших хлопот комедатуре не доставляли. Было этих «спецов» немного: тысячи три, расселили их в четырех новых селах, что сами построили.

В конце апреля 1933 года командант Цепков собрал всех своих подчиненных и глухим голосом пожилого человека обратился к ним:

— Товарищи! Я получил телеграмму из управления Сиблага. Слушайте внимательно: «Александрово-Ваховская Учкомедатура Цепкову Ваше распоряжение направляется караваном барж три тысячи бывших заключенных для отбытия срока ссылки обеспечить прием и размещение БАЛАН».

Водарился гнетущее молчание. Грузный, с тяжелым свинцовым взглядом, командант тихо и глухо сказал:

— Я прошу высказаться, что будем делать.

Мой шеф, начальник отдела учета Киселев, сверкнув раскосыми глазами на скуластом, выразительном лице, вскричал:

— Они что, сдурели там, в Новосибирске? Куда мы их примем? Три тысячи! Да у нас же нет никакого жилого фонда! А чем кормить? Положим, есть мука, а где хлеб выпекать? В районе же нет ни одной пекарни. И наши спецы, и старожилы хлеб пекут сами, дома. Это безумие!

Киселева поддержали еще несколько человек. Командант слушал молча. Потом сказал:

— Я решил немедленно послать в Сиблаг телеграмму: «Принять ссыльных не представляется возможным отсутствием материальных условий Цепков».

Все загудели:

— Правильно, товарищ командант! Правильно! А вечером того же дня командант получил ответ на свою телеграмму: «Три тысячи отбыли ваше распоряжение через неделю встречайте еще три БАЛАН».

2. На утро командант вновь собрал коллектив комедатуры, ознакомил его со второй телеграммой и попросил высказать свои соображения — где разместить прибывающих. Все единодушно высказались, что ни в одном населенном пункте их размещать нельзя. Это привело бы к непредсказуемым последствиям. Три тысячи голодных людей дезорганизовали бы всю жизнь коренных жителей и спецпереселенцев. После долгих обсужде-

ний решили принимать прибывающий контингент на остров Назинский. В семидесяти километрах от Александрова, вверх по течению Оби, на высоком правом берегу, стоит село Назино. Против села остров, длиной километра полтора и шириной около полукилометра. Разделенная пополам Обь с каждой стороны острова шириной не менее километра. Не каждый рискнет бежать ввысь. На острове есть старый осинник, редеющий, а по берегам — густой тайник. Выгрузить на остров несколько десятков тонн муки, укрыть брезентом, поставить караул и выдавать каждому полкило муки в день. Тем временем в Назино срочно начать строить пекарню. Ничего более разумного придумать не могли.

3. Киселеву под шестьдесят, а мне — девятнадцать. Мы с ним — отдел учета. Тридцатого апреля Владимир Андреевич, едва перешагнув через порог кабинета, изрек: «Ну, сынок, собирайся. Через пару часов в Назино идет наш катер «Быстрый». Едет группа приема под началом замкоманданта Богданова. Отдел учета будешь представлять ты. Все учетные карточки сверить с личностями, неподтвержденных карточек — «мертвых душ» не принимать».

К часу дня мы были в Назино. А вскоре бусик притаил караван из нескольких огромных барж, под завязку набитых людьми. Караван привалил к острову, началась высадка. Она продолжалась до позднего вечера, так как сверка людей с документами шла довольно медленно. Почти все — мужчины, возрастом далеко за тридцать, с землистого цвета лицами, тусклым взглядом, обтрепанные, без всякого имущества. Лишь изредка на поясе висел котелок или кружка. Пройдя сверху, люди разбрелись по острову, знакомылись с новым местом жительства, подыскивали место для ночлега. Вечер был теплый, богатый. Все мы, сотрудники комедатуры, оставив на острове караул, переехали на катере в село Назино и разместились на ночевку в местной школе.

4. Утром первого мая я проснулся первым, потому что яркий солнечный луч бил мне прямо в глаза. Встал, подошел к окну, выглянул на улицу и сразу зажмурился. Все село, берег реки, остров посередине Оби — все было укрыто толстым слоем снега и нестерпимо сверляло под лучами яркого весеннего солнца. Крепко устав за прошедший день, я просрал своим праведника и не слышал, как гудел всю ночь штормовой ветер и валил сплошной лавиной мягкий, влажный снег. Теперь все стихло, небо синело девственной чистотой, панорама виделась редкостью для первого мая. Но... каково теперь нашим «гостям» на острове? Ведь они проводили ночь под открытым небом! Там же нет ни единой постройки... Только палатка для караула.

Проснувшись замкоманданта Богданов, разбудил всех остальных, мы наскоро позавтракали каждый своими запасами и поехали на остров. Снегу выпало почти по колено. Под лучами майского солнца он быстро наливался влагой, на земле оседал, а с деревьев обваливался мокрыми комьями. Наши ссыльные вылезали из-под снега почти насквозь мокрые. Немного суше были те, кто успел захватить место под кронами старых осин. Люди отряхивались, пожевывались, подставляли наиболее мокрые места теплым лучам солнца. От них валил пар. Они постепенно собирались в палатке караула, рядом с которой лежал большой штабель из мешков с мукой, предсудетельно укрытый брезентом.

5. Чтобы в Назино построить пекарню, надо было сначала построить хоть самый примитивный кирпичный завод. Все это требовалось времени, и немало. А кормить людей надо сейчас. Богданов посылает двух вахтеров обйти остров и всех собрать к складу муки. Минут через пятнадцать толпа мокрых и жалких людей разногласно приглушенно жужжала, прижимаясь друг к другу, в надежде скорее согреться. Богданов, и без того непомерно высокий, взобрался на пенек, и толпа быстро стихла. Все ждали, что скажет начальник, чем порадует. И он сказал: «Граждане ссыльные! У нас нет для вас жилья. Нет ни столовой, ни пекарни. Когда-то будет, а пока жить будете здесь, на острове Назинском. Обустраивайтесь, кто как может. А с питанием так: каждое утро с восьми часов строиться в очередь к складу, каждый получает полкило муки и — завтра. И не вздумайте полу-

чить два раза. Замечу — пристрелю на месте. А сейчас — в очередь становись!»

Толпа поспешно стала строиться в очередь. Первые уже начали получать. Кладовщик из развязанного мешка зачерпывал поллитровой кружкой муку, досточкой смахивал в мешок все, что было выше краев кружки, и высыпал очередному. Во что? У кого что было. Изредка в котелок, или в такую же алюминиевую кружку. Это счастливицы. Можно баланду сварить. В шалку или в фуражку — тоже неплохо. Но у многих не было ни посуды, ни головняка или пальто. Очередь двигалась быстро. Те, у которых не было посуды, сразу же шли к берегу, пристраиваясь поближе к воде, кто как мог — заправляли муку в рот и горстью воды запивали ее. За несколько минут вся мука была в желудке и запита речной водой, мутной и холодной.

6. Через неделю пришел еще один караван ссыльными. Еще три тысячи. Их также высадили на остров. Остров стал похож на огромный муравейник, потому что кишел людьми. Поскольку не было туалета, оправлялись где где хомяком. Началась эпидемия дизентерии. Из комедатуры прислали фельдшера Кувшнинова, поставили для него «медпункт» палатку рядом с палаткой караульных и крепких стали эвакуировать. Грузили муку, торпы, пилы, лопаты, гвозди и одного вахтера. Катер «Быстрый» брал баржу на буксир и везную речку. Увозил километров за сто, высаживал людей на берег, в первобытную тайгу, и вахтер горил: «Вот вам новая родина. Вот вам торпы и бите, стройте себе дома, готовьтесь к зимовке. Благородно оставались, а катер с баржой возвращался, чтобы вывезти очередную партию в какую-нибудь другую речку или в эту же, но еще подальше. Эвакуация шла медленно, а эпидемия разгоралась бурно. Фельдшер валился с ног, чуть ли не круглые сутки принимая больных. Люди начали умирать. В комедатуру полетели доношения Кувшнинова и Богданова: «Лектарства кончатся. Смертность катастрофически растет. Если сначала умирали по 4—5 человек в день, то теперь уже по 40—50 человек. Срочно нужны лекарства, срочно надо ускорить эвакуацию. Остров предельно инфицирован». Командант Цепков «бомбил» телеграммами Управление Сиблага в Новосибирске, требуя или срочной и радикальной помощи, или эвакуации людей куда угодно в другое место. Сиблаг отмахивался.

7. Комедатура размещалась в деревянном здании барака. Для этой цели, большинство «кабинетов» отделялись друг от друга не капитальной стеной, а тесовой перегородкой. Если в одном кабинете говорят не очень тихо, то в соседнем все слышно. Как-то в начале июля я пришел на работу с небольшим опозданием. Мой шеф посмотрел на меня с укоризной и сказал тихонько: «Сынок, будем говорить только шепотом. В соседней комнате разместилась комиссия из Сиблага. Надо прислушаться, может, услышим что-нибудь интересное». Чуть позже я узнал, что комиссия уехала на остров Назинский, и два дня в соседней комнате была тишина. На третий день Киселев приехал и на работу не пришел. Я был один. Перед концом рабочего дня в соседнюю комнату вошло несколько человек. Соловьиный голос сказал: «Садитесь!» И начался доклад. Я сразу же понял, что допрашивают кого-то из тех, кто жил на острове.

— Скажите, Гвоздев, это правда, что вы выбивали зубы больным и умирающим?

— Правда.
— Зачем?
— Чтобы добыть золотые коронки.
— Зачем?

— Променять на махру. Курить же хочется. А у вахтеров за каждую коронку можно было получить спичечную коробку махры или целых две газеты, шоб дыряги крутить.

— Так... И много вы навывбили зубов?
— Сколько надо, столько и навывбили. В значе-
ку не складывал. Все менял на махру, сам курил и друзей угощал.

— А теперь вы, Углов. Это правда, что вы ели человеческое мясо?

— Не, неправда. Я ел только печонку и сердце.
— Расскажите, как вы это делали, подробно.
— Очень просто. Как шашлык делают. Из ивовых прутьев делал шампурчики, нарезал кусочками, называл на шампурчики и поджаривал на костерке.

— А у каких людей вы добывали мясо себе? У живых или у мертвых?

— Зачем же у мертвых. Это ж падала. Я выбирал таких, что уже не живые, но еще и не мертвые. Видно же, что доходит, идет день-два все равно дуба даст. Так ему ж легче умереть будет... Сейчас. Сразу. Не мучиться еще два-три дня.

— Кака же вы скотина, Углов! Ведь самые динкие людоеды во всем мире перестали уже человечину жрать, а вы же культурный человек, десять классов окончили!

— Ха! Людоеды... Так они где живут? На островах Тихого океана. У них и кокосы, бананы и ананасы. А вот на нас Назинский бы их загнать — поглядел бы я. Не то что сердце и печонку, и все кишки пожрали бы с потрохами.

— Ну что ж. Дело ясное. Еще по добному сроку хлопотаете. Придется вас везти в Новосибирск, на «перепечатанно».

Оба ссыльных наперебой радостно загалдели:
(Окончание на 4-й стр.)

ОСТРОВ НАЗИНСКИЙ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

— Ото добрэ! Нэхай еще срок! Там хоть крыша над головой, и баланду вареную дают, а не муку с речною водой. Спасибо, начальник, уважил. А то ведь здесь рано или поздно загнулся бы...

Потом привели каких-то других. Начали их допрашивать. Но рабочий день у меня кончился, через час я обещал встретиться со своей девушкой, а потому не стал подслушивать допрос новых подследственных. На другой и на третий день в соседнем кабинете допрашивали все новых и новых. Мы с Киселевым уже перестали прислушиваться, слушая между делом, в полуха. Их «ужасные» дела мало чем отличались от вышеописанных. Через неделю комиссия всех подследственных погрузила на рейсовый пароход и вместе с ними отбыла в Новосибирск.

8. В конце июля из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Наконец, Сиблаг решил эвакуировать наших «гостей». И с острова Назинского, и со всех поселков, что были разбросаны по речкам. Половина назинцев не могла своим ходом пройти на баржу — так они были больны или просто измождены. Их несли на носилках и складывали рядами в трюмах барж. Капитан «Быстрый» на малых баржах или больших лодках привозил людей с поселков, более крепких, все были на ногах, но в каждом поселке многих не до считались. Они бежали. Бежать было запросто: один вахтер на поселок, кругом тайга. Доведенные до отчаяния и питанием, и бесперспективностью своего положения, они покидали поселки и уходили куда глаза глядят. Не думаю, чтобы кому-нибудь из них удалось выйти к железной дороге «Москва — Владивосток» и обрести свободу. На сотни километров кругом — болотистая тайга, изрезанная сотнями речек и ручьев, полное незнание географии местности, отсутствие карты и компаса, невозможность показаться в деревнях старожилов — сразу же учасковый схватит, невозможность сесть на пароход — пропускаяют только по паспортам, — все это обрекало их на верную смерть в тайге от голода или болезни.

По окончании эвакуации мы с Киселевым «подбили бабки». Приняли мы 6000 человек, а отправили 2856. Остальные пошли «на распыл», «естественную трату». Киселев долго молчал, устремив взгляд куда-то за горизонт, потом сказал тихо: «Вот, сынок, как дешева человеческая жизнь. Чтобы убить скотину, ее сначала надо или вырастить, или купить. А людей бесплатно, без всяких хлопот убивают. Смотри, берегись, держи язык за зубами, не попади в эту мясорубку. А все, что слышал, — крепко запомни, но никому не рассказывай, а то сразу схлопочешь. Ведь доносы у нас теперь в моде, признак хорошего тона, доказательство большого патриотизма. Я уже достаточно стар и скорее всего не доживу до рассвета. А ты, чем черт не шутит, может, и доживешь до иных времен, когда без риска для жизни можно будет рассказать людям о нашем смутном и горьком времени».

9. Вскоре после эвакуации ссыльных коменданта Цепкова сняли с работы и вызвали в Новосибирск, в Управление Сиблага. Больше о нем ни мы, сотрудники комендатуры, ни оставшиеся в Александрово члены его семьи ничего не слышали. Вероятно, он стал «козлом отпущения». Мы искренне жалели коменданта. Он был вполне порядочный человек, участник революции и гражд-

данской войны. Но что мы могли сделать в его защиту? Даже свои сожаления и симпатии каждый держал при себе и боялся поделиться ими с товарищами по работе.

С тех пор прошло более полувека. В молодые годы, сразу после событий, я не записал этого. Боялся: а вдруг записи попадут кому-то в руки... Помнил наказ моего шефа. Через тридцать лет, после прочтения «Ивана Денисовича», начал записывать, понял, что многое прочно забыл. За четыре года на фронте в голове скопилось столько новых ужасов, что те, далекие, едва просвечивали из-под них. Поэтому мои записи, хоть и целиком правдивы, но далеко не полно отражают те далекие события. И хотя, кажется, пришло, наконец-то, долгожданное время, когда можно сказать правду, но я не могу побороть в себе ввевшийся в душу страх. И потому пишу никому не показывать мою рукопись, пока я жив. Только после моей смерти. Это моя последняя просьба.

10. ПОСТСКРИПТУМ: работа в комендатуре для меня была лишь средством скопить немало денег на будущее. После эвакуации ссыльных я уволился, очень душевно распрощался со своим шефом, и первого сентября с великим трепетом сердечным переступил порог Томского университета, который я воспринимал как самый священный храм науки. Исполнилась заветная мечта. Еще в школе я начал пописывать заветные стихи. Переполненный радостью и, чего греха таить, гордостью за то, что смог-таки покорить такую вершину, как университет, я написал стихотворение:

НА ВЕКА

Мой дед полвека ползал на коленях,
Чтоб яблони в его саду цвели,
А в Октябре могучий русский гений
Сад заложил для всех людей Земли.
Гремели грозы градобойным смерчем
И вырвать с корнем ярились наш сад,
А он цветет, и неподвластный смерти,
Сегодня стал прекрасней во сто крат!
Но сад есть сад, и он не терпит лени,
Ему нужна хозяйская рука,
И я, как дед, готов хоть на коленях
Растить и холить сад наш — на века!

Это стихотворение стало моим кредо на всю жизнь. К сожалению, а может, и к счастью, я не достиг больших высот в жизни общества, но до последних дней своих всякое дело делал от всей души, любовно, с полной отдачей духовных и физических сил. И в этом смысле совесть моя чиста, как и мои карманы. Об одном жалею и одним огорчаюсь: а ведь мог бы сделать в жизни гораздо больше! Но вины моей в этом нет. Виноват отрезок Истории Родины, в который уложилась моя жизнь.

И. УВАРОВ.

2 апреля 1988 г.

г. Омск.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА:

Я родился 19.09.1913 г. в семье фельдшера в г. Майкопе Краснодарского края. В 1930 г. отец решил провести своего однополчанина по первой мировой, который проживал в г. Мариинске Новосибирской обл. У Новосибирска его ссадили с поезда «органы» без каких бы то ни было объяснений, предостережений, «тип». Целый год гоняли по тюрьмам без единого допроса. В 1931 г. он попал в Томск. Здесь формировался этап спецпереселенцев в Александрово-Ваховскую Учадения в качестве медика. Мы решили ехать к отцу, с тем, что я оттуда сразу вернусь и буду поступать в Томский университет. Однако из Александрово меня не выпустили, комендант объявил, что все мы теперь тоже спецпереселенцы. Я стал учителем, учил детей «спецов», а отец — был прекрасным фельдшер, известный на весь район. В 1935 г. меня «за хорошую работу» «восстановили в правах».

В 1936 г. я поступил в ТГУ. Я учился только на отлично, получал повышенную стипендию. Весной 37-го я приехал на казенный к родным. В июне нашего отца превратили во «врага народа», а у меня отобрали паспорт, и я снова стал «спецом». Во время работы в Александрово с 31-го по 35 год я в канicularное время подрабатывал в отделе учета комендатуры. Историю с Назинским знаю, ибо сам в качестве статистика принимал «назинцев» и отправлял по поселкам. Мой друг А. Карагодин — это я сам. В моем рассказе нет никакого домьсла, однако за цифры я не ручаюсь. Они приблизительно. Фельдшер Кувшинов — это мой отец, который мне многое рассказывал о положении на острове. Богданов и Цепков — имена подлинны и портреты правдивы.